

DOI 10.35775/PSI.2025.128.11.022

УДК 32.327

ДОР ЖАН СМИТ

аспирант по направлению «Международные отношения, глобальные и региональные исследования»

Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
Россия, г. Москва

E-mail: jeansmithdor@gmail.com

ORCID: 0009-0001-5945-3018

ResearcherID: KDP-1672-2024

АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ШОС-ОБСЕ: ОТ ТЕХНИЧЕСКОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ К НОРМАТИВНОЙ ФРАГМЕНТАЦИИ

В статье исследуется, как борьба с терроризмом способствует взаимодействию между международными организациями, на примере связей между Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) и Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Опираясь на всесторонний анализ документов (договоров, заявлений, институциональных докладов, академических публикаций и вторичных источников) и кейс-стади Региональной антитеррористической структуры (РАТС) ШОС и Action against Terrorism Unit (ATU; Отдел по борьбе с терроризмом) ОБСЕ, выявляются три ключевые тенденции: взаимодополняемость инструментов разведки и подготовки кадров, что подтверждается совместными инициативами в Центральной Азии; создание оперативных площадок – например, ежегодных встреч в Ташкенте – для согласования подходов к противодействию финансированию терроризма; а также формирование гибкой архитектуры сотрудничества, переходящей от неформальных обменов к структурированным соглашениям. Тем не менее, сохраняются препятствия, включая различия в потенциалах, латентные китайско-российские трения и отсутствие у ОБСЕ военной компоненты, что ограничивает интеграцию в ходе учений типа «Мирная миссия». Результаты подчеркивают прагматичный характер взаимодействия, прежде всего в Центральной Азии, где совпадение интересов стимулирует совместные инициативы, не устраняя при этом скрытые геополитические соперничества и нормативные расхождения. Несмотря на заметный прогресс, по-прежнему отсутствует интегрированный подход и сохраняется трудность выхода за рамки минимального консенсуса.

Ключевые слова: межорганизационное сотрудничество, ШОС, ОБСЕ, борьба с терроризмом, Центральная Азия.

Введение. Современный ландшафт международной безопасности характеризуется беспрецедентным распространением транснациональных угроз; терроризм выступает одним из наиболее стойких вызовов глобальной стабильности.

В условиях меняющейся архитектуры безопасности международные организации все чаще признают, что ни одна структура в одиночку не располагает всем спектром возможностей, необходимых для ответа на многогранную природу современного терроризма [1. С. 88-103]. Эта реальность стимулировала формирование новой парадигмы межорганизационного сотрудничества, в рамках которой региональные и международные институты взаимодействуют через институциональные границы, чтобы укрепить свой совокупный потенциал в сфере противодействия терроризму.

Взаимодействие между Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) и Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) представляет собой особенно показательный пример такой кооперации – прежде всего в Евразии, где пересекающееся членство и общие уязвимости в таких регионах, как Центральная Азия, усиливают потребность в межорганизационной синергии. Основанная в 2001 году, ШОС рассматривает борьбу с терроризмом как центральный столп, что обусловлено интересами ее государств-членов – Китая, России и стран Центральной Азии. ОБСЕ, берущая начало в Хельсинкском процессе 1975 года, придерживается комплексного подхода к безопасности, интегрируя военно-политическое, экономико-экологическое и гуманитарное измерения для противодействия терроризму.

На протяжении более двух десятилетий академическая литература стремилась осмыслить роль в сфере безопасности двух весьма разных региональных организаций – ШОС и ОБСЕ. Если на первом этапе исследования были во многом разобщены – «евразийские» с одной стороны и «евроатлантические» с другой, – то со второй половины 2000-х годов прослеживается накопление работ, все более прямо поднимающих вопрос о возможности, пусть и частичного, сотрудничества между этими двумя организациями. Данный обзор литературы сначала реконструирует основные интерпретативные рамки, применяемые для понимания каждой из организаций, а затем обсуждает оценки их потенциала к сотрудничеству в области безопасности.

Исследования, посвященные ШОС, можно сгруппировать вокруг трех крупных нарративов. Первый, геополитически ориентированный, трактует ШОС как институциональную опору китайско-российской конвергенции, нацеленной на ограничение западного влияния в Центральной Азии. Эта перспектива делает акцент на «балансировании» против НАТО и на центральной роли совместных военных учений, однако регулярно подвергается критике за детерминизм: ряд авторов полагает, что организация в большей степени служит площадкой управления конкуренцией между Москвой и Пекином, нежели антизападным альянсом [46. Р. 4; 27; 28. Р. 175-193; 4. Р. 1-20]. Второй подход, известный как функционально-институциональный, подчеркивает нормативные режимы, сформированные с 2001 года для борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также ключевые операционные механизмы (например, Региональную антитеррористическую структуру в Ташкенте – РАТС). При этом он приходит к выводу, что реальная эффективность ограничена недостаточным финансированием,

минимальной открытостью и этосом принятия решений, основанным на «минимальном общем знаменателе» [10; 2. С. 264-279; 39]. Наконец, более конструктивистское прочтение сосредотачивается на «шанхайском духе» – риторике невмешательства и уважения национальных моделей развития – как основании постлиберального регионализма, опирающегося на суверенитет и гибкость, а не на нормативную интеграцию [17. Р. 253-264; 5]. Эти подходы признают ШОС пространством взаимного обучения между авторитарными государствами, где западное понимание «человеческой безопасности» в лучшем случае релятивизируется.

Напротив, литература об ОБСЕ вписывает организацию в традицию «панъевропейской и всеобъемлющей безопасности», начатую Хельсинкским заключительным актом. Историографические работы подчеркивают ее роль проводника разрядки времен холодной войны и лаборатории кооперативной безопасности в 1990-е годы [14; 49. Р. 58]. После 1999 года исследования фокусируются на адаптации ОБСЕ к расширению ЕС и НАТО; многие авторы видят в ней гибкий, но политически маргинализированный институт из-за принципа консенсуса и возобновления российско-западной конкуренции [13. Р. 161-180; 50. Р. 389-402; 18; 23]. Оценка полевых миссий более нюансирована: относительные успехи в Кыргызстане, Молдове и Таджикистане, но бессилие в переломный момент украинского кризиса [22; 11; 45]. Вместе с тем один пункт является общим местом: «человеческое измерение» ОБСЕ – избирательные стандарты, права человека, демократия – остается ее идентификационной чертой, а его оспаривание Россией существенно подрывает эффективность организации.

Вопрос сотрудничества ШОС-ОБСЕ появился в академической повестке в форме точечных сравнений (de Naas, 2007), а на рубеже 2010-х был дополнен более систематическими исследованиями [8. Р. 246]. В подробном обзоре Писою (2015) отмечает, что две организации географически пересекаются в Центральной Азии, разделяют дискурс кооперативной безопасности и теоретически – такие приоритеты, как борьба с терроризмом, управление границами и предотвращение конфликтов [36]. Тем не менее, авторы сходятся на трех структурных препятствиях. Во-первых, нормативная асимметрия: ОБСЕ делает «человеческое измерение» своим опорным столпом, тогда как ШОС прямо исключает его во имя суверенитета [17. Р. 253-264; 25. Р. 1-20]. Во-вторых, динамика силы: Россия потенциально могла бы выступать мостом между ОБСЕ и ШОС, продвигая диалог по евразийской безопасности; однако прогрессирующее ухудшение ее отношений с западными державами подрывает эту роль, размывая доверие внутри обеих организаций и осложняя кооперацию [16; 19. Р. 6-24]. В-третьих, организационная культура: ОБСЕ ценит прозрачность и включение негосударственных акторов, тогда как ШОС предпочитает сдержанность и закрытые процедуры, что делает проектирование любых совместных механизмов затруднительным [5; 8. Р. 246; 36].

Столкнувшись с этими барьерами, литература предлагает скорее прагматичные шаги, чем крупные институциональные замыслы. Работы в русле «issue-area

functionalism» предлагают начать с технических досье, где наибольшая конвергенция: обмен информацией о иностранных боевиках, совместная подготовка афганских пограничников, обмен лучшими практиками в области кибербезопасности [8. Р. 246; 36]. Опираясь на теорию плюралистической безопасности, ряд академических анализов – например, Мадуз (2018) и Кузнецов, Лазарев и Ховрина (2021) – рассматривают ключевые темы, такие как многополярность, общие интересы в поддержании региональной стабильности и гибкие институциональные подходы к евразийскому управлению в сфере безопасности [20; 24]. В этой логике формирование многополярного евразийского порядка может подтолкнуть ОБСЕ и ШОС к признанию взаимной заинтересованности в региональной стабильности. Для этого необходимо нейтрализовать нормативные расхождения посредством адаптивных, многоуровневых и ориентированных на укрепление доверия механизмов.

В данной статье анализируются механизмы, эффективность и ограничения сотрудничества ШОС-ОБСЕ в контртеррористических усилиях. Аргумент состоит в том, что, хотя межорганизационное взаимодействие укрепило региональный потенциал безопасности, существенные структурные и нормативные ограничения продолжают сдерживать его полный потенциал.

Историческая эволюция и ключевые механизмы. Распад Советского Союза в начале 1990-х создал стратегический вакуум в Центральной Азии, где новые независимые республики стремились утвердить свою суверенность за пределами орбиты Москвы. В то же время Китай сталкивался с нерешенными вопросами делимитации границ не только с Россией, но и с этими возникающими государствами, что вызывало серьезные опасения в сфере безопасности вдоль его западных рубежей [38. Р. 1175-1202]. Воспользовавшись совпадением интересов, Пекин и Москва, а также Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан в 1996 году объединились для запуска так называемой «Шанхайской пятерки». Сфокусировавшись на мерах доверия – прежде всего на поэтапном сокращении военных сил в приграничных районах, – группа последовательно рассматривала и проясняла оспариваемые участки границы. Соглашение 1996-1997 годов об ограничении развертывания войск стало поворотным моментом: большинство двусторонних пограничных споров было урегулировано, а в регионе заметно снизилась трансграничная напряженность [40].

После мирного урегулирования прежних пограничных разногласий рамка «шанхайской пятерки» была стратегически преобразована в региональный орган – структуру многостороннего сотрудничества [21. Р. 1-20]. Присоединение Узбекистана на саммите в июне 2000 года оформило этот поворот, заложив основу для запуска Шанхайской организации сотрудничества в июне 2001 года [15]. Параллельно государства-члены столкнулись с ростом фундаменталистского радикализма и приняли новаторский пакт против терроризма, сепаратизма и экстремизма, тем самым закрепив общую повестку в сфере безопасности. Ратификация устава ШОС в Санкт-Петербурге в 2002 году затем кодифицировала

цели, институциональную архитектуру и операционные руководящие принципы организации [26].

В 2004 году Шанхайская организация сотрудничества сделала ключевой шаг в своем институциональном развитии, учредив два специализированных органа – постоянный Секретариат в Пекине и Региональную антитеррористическую структуру (РАТС) в Ташкенте, – которые вместе обеспечили организации устойчивый административный каркас и специализированный аппарат безопасности; одновременно Монголия получила статус первого государства-наблюдателя. Изначально сосредоточенная на борьбе с «тремя золами» (терроризм, сепаратизм, экстремизм) и на укреплении экономических обменов, ШОС начала диверсифицировать свою глобальную роль, что подтвердилось получением в том же году статуса наблюдателя при ООН [41]. На саммите в Астане в июле 2005 года контекст «цветных революций» в Грузии (2003), на Украине (2004) и в Киргизии (2005), в сочетании с западной критикой после подавления андижанских событий, побудил государства Центральной Азии теснее сплотиться вокруг Москвы и Пекина. Итоговая декларация, призвавшая к выводу западных военных контингентов и включившая Иран, Пакистан и Индию в качестве новых наблюдателей, ясно обозначила переход от региональной системы безопасности к организации, стремящейся к более широкому геополитическому влиянию [9].

В нынешней конфигурации Шанхайская организация сотрудничества объединяет десять полноправных членов – включая Китай, Индию и Россию, – к которым добавляются три государства-наблюдателя и четырнадцать партнеров по диалогу, что придает объединению исключительный по широте евразийский охват. Эта институциональная архитектура опирается на многоуровневый механизм принятия решений: Совет глав государств ежегодно определяет общие политические ориентиры, тогда как Совет глав правительств формулирует секторальные приоритеты и утверждает бюджет. Вокруг этого ядра выстроены серия тематических министерских встреч и Совет национальных координаторов, обеспечивающие согласованность инициатив. Наличие двух постоянных органов – Секретариата в Пекине и Региональной антитеррористической структуры (РАТС) в Ташкенте – иллюстрирует двойную направленность организации, политико-экономическую и в сфере безопасности, одновременно подчеркивая преимущественное влияние Китая и России, выраженное в выборе китайского и русского в качестве рабочих языков.

Имея 57 государств-участников, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) предстает крупнейшей в мире региональной структурой безопасности, выстраивающей свою деятельность вокруг трех неразрывно связанных измерений: политико-военного, экономико-экологического и человеческого. Будучи наследницей Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), запущенного в контексте разрядки 1970-х годов, она получила свое первое нормативное закрепление в Хельсинкском Заключительном акте 1975 года, который формализовал комплекс обязательств – от контроля над вооружениями до соблюдения основополагающих прав. Этот основополагающий

документ, построенный вокруг десяти руководящих принципов («Декалог»), демонстрирует стремление учредить пространство диалога и взаимного доверия между Востоком и Западом [29].

Развитие отношений. Основы дипломатического взаимодействия между ШОС и ОБСЕ. С первых шагов своего существования Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) стремилась укреплять связи с ОБСЕ в русле призыва, содержащегося в решении Бухарестского заседания Совета министров ОБСЕ (2001), к расширению антитеррористического диалога за пределы европейского пространства. Этот подход выразился в систематическом участии ШОС по ее первому приглашению во встрече ОБСЕ по борьбе с терроризмом 6 сентября 2002 года, что заложило модель взаимного участия в конференциях, регулярных диалогов между генеральными секретарями и совместных инициатив по вопросам региональной безопасности [30]. Эти усилия не только сохраняли импульс, но и постепенно перерастали в более содержательное сотрудничество. Так, важной вехой стал 2013 год, когда Генеральный секретарь ШОС Дмитрий Мезенцев выступил на Постоянном совете ОБСЕ, изложив стратегические цели ШОС и выразив готовность к партнерствам, нацеленным на противодействие региональным угрозам [36]. Опираясь на это, встреча 2017 года в Самарканде между Рашидом Алимовым (ШОС) и Томасом Греммингером (ОБСЕ) укрепила обязательства по наращиванию сотрудничества перед лицом общих вызовов, что продемонстрировало движение к более глубоким межинституциональным связям [42]. Кроме того, Форум по сотрудничеству в области безопасности в 2019 году, созданный под эгидой Таджикистана, стал заметным институциональным продвижением, объединив высокопоставленных представителей ШОС, ОБСЕ и Европейского союза для очерчивания операционных синергий в Центральной Азии [31]. На этой встрече была представлена концепция «сетевое многостороннего подхода» — концептуальной призмы, через которую региональные структуры могут взаимно усиливать свои ответы на трансграничные вызовы.

Институциональные механизмы и операционные синергии. В центре этого взаимодействия находится Региональная антитеррористическая структура (РАТС) ШОС, учрежденная в 2004 году и базирующаяся в Ташкенте, которая координирует обмен разведывательной информацией, совместные мероприятия и повышение квалификации в государствах-членах [12. Р. 107-126; 1. С. 88-103]. Ее интерфейс с антитеррористическими рамками ОБСЕ эволюционировал от разовых обменов информацией к формализованным договоренностям, что органично согласуется с приоритетами ОБСЕ по картированию террористических сетей, организации учений, пресечению финансовых потоков к экстремистам и укреплению потенциала органов безопасности. Ежегодные форумы, такие как высокоуровневое мероприятие, организованное ОБСЕ в Ташкенте в 2022 году с участием РАТС ШОС и посвященное стратегиям противодействия терроризму в Центральной Азии в рамках Глобальной контртеррористической стратегии ООН, предоставляют платформы для обмена знаниями с международными партнерами, включая представителей ОБСЕ [32]. Дополняя это,

Подразделение ОБСЕ по борьбе с терроризмом (АТУ), входящее в Департамент по борьбе с транснациональными угрозами, служит основным фокусным звеном для взаимодействия с РАТС [6]. Оно обеспечивает совместно разработанные программы подготовки, содержательные аналитические отчеты и гибкие, адаптивные стратегии противодействия возникающим угрозам – что особенно важно в таких регионах, как Центральная Азия, где геополитические трения требуют партнерских и адаптивных ответов.

Учения в военной и правоохранительной сфере представляют собой еще одно важное, хотя и зачастую опосредованное, измерение взаимодействия ШОС-ОБСЕ, ограничиваемое немилитарным мандатом ОБСЕ. Двухгодичные учения ШОС «Мирная миссия», начавшиеся в 2005 году, сосредоточены на контртерроризме и со временем стали включать международных наблюдателей. Вехой в этой области стали маневры «Евразия-Антитеррор» 2023 года в Кыргызстане, которые новаторски интегрировали структуры СНГ и ШОС в единую рамку, продемонстрировав потенциал для расширенной координации [7]. Хотя ОБСЕ воздерживается от прямого участия, акцент этих учений на обмене данными и синхронизированных операциях созвучен методологиям ОБСЕ. Параллельно Колледж ОБСЕ по подготовке кадров в области управления границами в Душанбе, основанный в 2009 году, подготовил более 1600 афганских и региональных специалистов, формируя корпус пограничных экспертов, который усиливает усилия ШОС по противодействию транснациональному терроризму, тем самым согласуя региональные приоритеты в Центральной Азии и Афганистане [35; 33].

Обмен информацией и правовые рамки. Обмен информацией выступает как наиболее необходимый, но в то же время деликатный элемент сотрудничества ШОС-ОБСЕ. По данным на 2016 год, РАТС располагает сведениями об экстремистских структурах, документируя около 2 500 потенциальных террористов-смертников и 69 террористических групп; ее эффективность в снижении угроз подтверждается, в частности, пресечением деятельности 73 подпольных ячеек международных террористических организаций, предотвращением 69 террористических актов за один год и закрытием 24 536 цифровых платформ, распространявших радикализм [43; 44]. ОБСЕ дополняет это своей деятельностью на местах в Центральной Азии и аналитическими возможностями, предоставляя нюансированные оценки, которые обогащают тактическую разведывательную информацию ШОС. Совместные семинары и образовательные инициативы способствовали формированию унифицированных парадигм оценки угроз.

Обе структуры продвигают прочные правовые основы противодействия терроризму: Шанхайская конвенция ШОС 2001 года о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом рассматривает терроризм наряду с сепаратизмом и экстремизмом в широком региональном контексте [2. С. 264-279]. Совместное наращивание потенциала оказалось результативным, особенно в правовой сфере, что продемонстрировал семинар ОБСЕ-ООН-РАТС 2005 года в Ташкенте по задействию глобальных антитеррористических протоколов, заложивший основы трехсторонних моделей предоставления правовых консультаций и подготовки

кадров [47]. Это привело к соглашениям о совместном правовом консультировании и обучении вопросам верховенства права по запросам государств.

Культурные и нормативные расхождения. Несмотря на заметное сближение мандатов, глубокие различия в организационных культурах продолжают препятствовать существенному сотрудничеству между Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) и Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Так, непоколебимая приверженность ШОС принципам государственного суверенитета и невмешательства резко контрастирует с целостной концепцией безопасности ОБСЕ, которая неразрывно связывает региональную стабильность с демократическим управлением и защитой прав человека [34; 48. P. 65-79]. Это фундаментальное расхождение особенно проявляется в сфере борьбы с терроризмом и человеческого измерения безопасности: если ОБСЕ отстаивает демократический надзор за силовыми структурами и обеспечение гражданских свобод, то ШОС отдает приоритет контролируемым исполнительной властью мерам, ставящим на первое место устойчивость режимов. Этот разрыв в восприятии объясняет избирательное вовлечение ШОС в программы ОБСЕ: организация предпочитает прагматичное техническое сотрудничество по вопросам, таким как пограничная безопасность и иностранные террористические боевики, одновременно избегая инициатив по предотвращению насильственного экстремизма и радикализации, ведущей к терроризму (VERLT), основанных на участии местных сообществ и правах человека, о чем свидетельствуют мероприятия ОБСЕ в Душанбе и Узбекистане в 2018 году [37]. Подобные расхождения не только подрывают совместные инициативы по предотвращению насильственного экстремизма через вовлечение сообществ, но и упускают потенциальные синергии для устранения коренных причин радикализации посредством инклюзивного диалога. Кроме того, асимметрия членства усугубляет эти напряжения: хотя четыре государства Центральной Азии и Россия состоят в обеих организациях, включение ШОС влиятельных акторов, таких как Китай, Индия, Пакистан и Иран, приносит геополитические сложности, отсутствующие в ОБСЕ, что особенно заметно в различающихся подходах к Афганистану – где прагматичное признание движения «Талибан» со стороны ШОС разительно контрастирует с акцентом ОБСЕ на демократической легитимности [3. С. 252-263].

Эту картину дополняют различия в делегировании полномочий: хотя обе организации опираются на принцип консенсуса, ОБСЕ наделяет независимые исполнительные структуры полномочиями для гибкого исполнения мандатов, тогда как ШОС сохраняет жесткий контроль через министерские механизмы, позиционируя свою Региональную антитеррористическую структуру (РАТС) скорее как контролируемого государствами фасилитатора, чем как автономного актора.

Хотя эти культурные элементы, укорененные в ценностях и способах функционирования, представляют собой значительные препятствия, обе организации признают, что борьба с незаконной деятельностью, управление «пористыми» границами и противодействие насильственному экстремизму требуют

многомерного взаимодействия. В сущности, это подчеркивает более широкий императив для региональных акторов безопасности преодолеть институциональную инерцию, дабы избежать торжества фрагментарных ответов на общие вызовы, такие как экстремизм и нестабильность.

Заключение. Глубокий анализ антитеррористического взаимодействия между Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) и Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) выявляет картину куда более нюансированную – но и более многообещающую – чем подсказывают классические геополитические схемы. Вопреки представлению о непримиримом противостоянии между «евроатлантическим» и «евразийским» блоками, на операционном уровне действительно просматриваются логики конвергенции, прежде всего в Центральной Азии, где РАТС ШОС и Отдел по борьбе с терроризмом (АТУ) Секретариата ОБСЕ смогли выработать протоколы сотрудничества по конкретным техническим вопросам. Эти обмены – от обмена информацией до совместной подготовки сил безопасности – отражают прагматичную и гибкую адаптацию, необходимую перед лицом транснациональных угроз, которым мало дела до идеологических разногласий.

В теоретическом плане эта динамика побуждает переосмыслить классические представления о региональном управлении. Она показывает, что эффективное сотрудничество может возникать несмотря на глубокие асимметрии ценностей, источников финансирования и мандатов – при условии концентрации на сферах, где конвергенция интересов ощутима. Это открывает путь к размышлениям об адаптивности международных организаций в многополярном контексте и о возможности новых форм «фрагментированного мультилатерализма», которые дополняют, хотя и не заменяют, традиционные модели институциональной интеграции.

В практическом плане результаты ощутимы, но пока недостаточно оценены. Сотрудничество ШОС-ОБСЕ позволило повысить наблюдательность и контроль над трансграничными потоками, укрепить способность государств Центральной Азии разоблачать и ликвидировать террористические сети, а также выстроить минимальный уровень доверия там, где ранее преобладало недоверие. Проведение экспертных форумов, постепенная стандартизация процедур обмена разведывательной информацией и совместные усилия в сфере кибербезопасности свидетельствуют о реальном институциональном обучении. И все же эти технические успехи скрывают сохраняющиеся политические ограничения: дефицит прозрачности, отсутствие общих стандартов в области прав человека и невозможность для ОБСЕ в полной мере участвовать в совместных военных учениях – все это препятствия, не позволяющие придать этому партнерству стратегическое и долговременное измерение.

В будущем углубление этого взаимодействия потребует систематизации обменов, более широкого вовлечения гражданского общества и постепенной интеграции прав человека, возможно через треугольные партнерства с ООН или НАТО. Дальнейшие исследования должны изучить эти геополитические

пересечения, чтобы выявить рычаги подлинного мультилатерализма. В конечном счете эта несовершенная динамика напоминает, что евразийскую безопасность невозможно «раскладывать по отсекам»: во взаимосвязанном мире межорганизационное сотрудничество, при всей его неоднозначности, становится стратегическим императивом, требующим политических инноваций, чтобы преодолеть наследие холодной войны и обеспечить долговременную коллективную устойчивость.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Карпенко Ю.О., Шумилов М.М.** Институционализация антитеррористического сотрудничества на евразийском пространстве: проблемы и перспективы // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 14. № 1. DOI: 10.22394/2073-2929-2021-01-88-103.
2. **Поршнева О.С., Разинков С.Л.** Институциональное становление и развитие деятельности ШОС: опыт ретроспективного анализа // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24. № 2.
3. **Пауф С.** Трансграничное взаимодействие Афганистана и Шанхайской организации сотрудничества после вывода войск США из Афганистана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24. № 2. DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-2-252-263.
4. **Aris S.** Russian-Chinese Relations through the Lens of the SCO // *Russie.NEI. Visions*. 2008. No. 34.
5. **Bailes A.J., Dunay P., Guang P., Troitskiy M.** The Shanghai Cooperation Organization. Stockholm: Stockholm International Peace Research Institute, 2007. Vol. 17.
6. **Billen C.** The OSCE: a platform for co-operative counter-terrorism activities in Central Asia // *OSCE Yearbook*. 2005.
7. CIS Anti-Terrorism Center. EURASIA-ANTITERROR – 2023 Joint Anti-Terrorism Exercise of the CIS Member-States and SCO Member-States. 21.09.2023 // <https://eng.cisatc.org/1289/133/161/9366>.
8. **De Haas M.** The Shanghai Cooperation and the OSCE: Two of a kind // *Helsinki Monitor*. 2007. Vol. 18.
9. Declaration of Heads of Member States of Shanghai Cooperation Organisation, Astana, 5 July 2005 // <http://www.sectSCO.org/html/00500.html>.
10. **Ding W.** The Practice of Genuine Multilateralism: The Institutionalization of the Shanghai Cooperation Organization // *Pakistan Journal of International Affairs*. 2023. Vol. 6. No. 1.
11. **Evers F.** OSCE conflict management and the Kyrgyz experience in 2010: advanced potentials, lack of will, limited options. 2014.
12. **Fan X.** Existing Mechanisms of the Shanghai Cooperation Organization and Their Problems Dealing With Non-traditional Security Challenges //

- International Organisations Research Journal. 2021. Vol. 16. No. 1. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-05.
13. **Galbreath D.J.** Putting the Colour into Revolutions? The OSCE and Civil Society in the Post-Soviet Region // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2009. Vol. 25. Nos. 2-3. DOI: 10.1080/13523270902860519.
 14. **Ghebali V.-Y.** The OSCE in post-communist Europe: Towards a pan-European security identity 1990-1996. Bern: The Library am Guisanplatz BiG, 2021 // <https://www.osce.org/files/f/documents/4/f/585745.pdf>.
 15. **Haas M.** The Shanghai Cooperation Organisation: towards a full-grown security alliance? The Hague: Netherlands Institute of International Relations Clingendael, 2007.
 16. **Hamilton D.S., Meister S. (eds.)**. The Eastern Question: Russia, the West, and Europe's Grey Zone. Washington, DC: Center for Transatlantic Relations, 2016 // https://www.bosch-stiftung.de/sites/default/files/publications/pdf_import/The_Eastern_Question.pdf.
 17. **Honrada G.J.P., Bokeriya S.A.** The Shanghai spirit and the ASEAN way as the foundations of a new regionalism // Vestnik RUDN. International Relations. 2023. Vol. 23. No. 2.
 18. **Hopmann P.T.** Building Security in Post-Cold War Eurasia: The OSCE and US Foreign Policy. Washington, DC: United States Institute of Peace, 1999.
 19. **Kropatcheva E.** The evolution of Russia's OSCE policy: From the promises of the Helsinki Final Act to the Ukrainian crisis // Journal of Contemporary European Studies. 2015. Vol. 23. No. 1. DOI: 10.1080/14782804.2014.1001823.
 20. **Kuznetsov S., Lazarev M., Khovrina O.** SCO expansion as a factor of stability for macro-regional order in Eurasia // SGP Journal. 2021 // <https://sgpjournals.mgimo.ru/2021/2021-8/sco-expansion-as-factor-of-eurasia-stability>.
 21. **Laumulin M.** The Shanghai Cooperation Organization as «Geopolitical Bluff?» A View from Astana // Russie.NEI.Visions. 2006. No. 12.
 22. **Lehne S.** Reviving the OSCE: European security and the Ukraine crisis. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2015 // <https://carnegieendowment.org/research/2015/09/reviving-the-osce-european-security-and-the-ukraine-crisis?lang=en>.
 23. **Lynch D.** Engaging Eurasia's separatist states: Unresolved conflicts and de facto states. Washington, DC: US Institute of Peace Press, 2004.
 24. **Maduz L.** Flexibility by design: The Shanghai Cooperation Organisation and the future of Eurasian cooperation. Zurich: Center for Security Studies (CSS), ETH Zurich, 2018 // <https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/Maduz-080618-ShanghaiCooperation.pdf>.
 25. **Manton E.** The OSCE Human Dimension and Customary International Law Formation // OSCE Yearbook. 2005.
 26. Ministry of Foreign Affairs of the PRC. Shanghai Cooperation Organization. January 2004 // <http://www.fmprc.gov.cn/eng/topics/sco/t57970.htm>.

27. **Mirza M.N., Ayub S.** Sino-Russian competitive collaboration for the Central Asian sphere of influence // *Trames: Journal of the Humanities and Social Science*. 2021. Vol. 25. No. 4.
28. **Oğuz Ş., Karabulut B.** The rise of Shanghai Cooperation Organization in Central Asia: a tool of cooperation or competition between Russia and China over the Turkic States? // *Cappadocia Journal of Area Studies*. 2022. Vol. 4. No. 2.
29. Organization for Security and Co-operation in Europe // https://www.osce.org/files/f/documents/5/c/39502_0.pdf.
30. Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE). Consolidated summary: OSCE-IFANS/MOFAT workshop on «Applicability of OSCE CSBMs in Northeast Asia Revisited,» 22-23 September 2003. 06.11.2003 // <https://www.osce.org/files/f/documents/9/5/22204.pdf>.
31. Organization for Security and Co-operation in Europe. OSCE Forum for Security Co-operation meeting under Tajik Chairmanship explores strengthening synergies among regional organizations in Central Asia. 10.07.2019 // <https://www.osce.org/forum-for-security-cooperation/425360>.
32. Organization for Security and Co-operation in Europe. Tashkent to host high-level international conference on regional co-operation of Central Asian states in the fight against terrorism. 28.02.2022 // <https://www.osce.org/secretariat/513106>.
33. Organization for Security and Co-operation in Europe, Transnational Threats Department. OSCE TNTD speech: Day 1 [Transcript]. [б. д.] // <https://www.bomca-eu.org/en/cabsi-2016/8-speeches-presentations?download=168%3Aosce-tntd-speech-day1>.
34. Organization for Security and Co-operation in Europe. Overview of OSCE counter-terrorism related commitments (Updated October 2021). 2021 // https://www.osce.org/files/f/documents/3/5/107686_2.pdf.
35. OSCE Border Management Staff College. Course Catalogue 2016 // <https://www.osce.org/files/f/documents/5/b/105024.pdf>.
36. **Pisoiu D.** The OSCE and the SCO – Perspectives for Cooperation // In: Rozanov A.A., Dovgan E.F. (eds.). *Shanghai Cooperation Organisation and Central Asia's Security Challenges*. Geneva: DCAF, 2015. (DCAF Regional Programmes Series, No. 16).
37. **Ptáčková M.** Mapping Obstacles to Inter-Organisational Cooperation: Case study on cooperation between the OSCE and the SCO in counter-terrorism in Central Asia: Master's thesis. Leiden: Leiden University, Faculty of Social and Behavioural Sciences, 2018 // <https://studenttheses.universiteitleiden.nl/access/item:2610268/view>.
38. **Robinson T.W.** The Sino-Soviet border dispute: Background, development, and the March 1969 clashes // *American Political Science Review*. 1972. Vol. 66. No. 4.
39. **Rozanov A.A. (ed.)** *The Shanghai Cooperation Organization and Central Asia's Security Challenges*. Geneva: DCAF, 2013. (DCAF Regional Programmes Series, No. 16).

40. Shanghai Cooperation Organisation. [Официальное сообщение, 27.11.2023] // <https://eng.sectesco.org/20231127/1168690.html>.
41. Shanghai Cooperation Organisation. Speech by the Secretary-General Zhang Deguang at the 60th High-Level Plenary Meeting of the UN General Assembly, New York, 16 September 2005.
42. Shanghai Cooperation Organisation. SCO and OSCE top officials meet in Samarkand. 10.11.2017 // <https://eng.sectesco.org/20171110/350046.html>.
43. Shanghai Pact anti-terror database lists 2,500 suicide bombers, 69 groups // Sputnik. 30.08.2016 // <https://sputnikglobe.com/20160913/sco-rats-terrorism-1045248480.html>.
44. The Astana Times. SCO RATS committee director highlights achievements in security collaboration, cooperation program. January 2024 // <https://astanatimes.com/2024/01/sco-rats-committee-director-highlights-achievements-in-security-collaboration-cooperation-program/>.
45. **Troebst S.** Ethnopolitical Conflicts in Eastern Europe and the OSCE – An Interim Appraisal. 1998.
46. **Umarov Kh., Millier K.** Sino-Russian Relations within the Framework of the Shanghai Cooperation Organization // Journal of Eastern European and Central Asian Research (JEECAR). 2014. Vol. 1. No. 1.
47. United Nations Counter-Terrorism Implementation Task Force; United Nations Regional Centre for Preventive Diplomacy for Central Asia. Mapping of the contribution of regional and international organizations to operationalizing the Joint Plan of Action for the Implementation of the UN Global Counter-Terrorism Strategy in Central Asia [Rolling matrix]. 2015 // https://unrcca.unmissions.org/sites/default/files/old_dnn/Final_matrix_en.pdf.
48. **Wang J., Kong D.** Counter-terrorism cooperation between China and Central Asian states in the Shanghai Cooperation Organization // China Quarterly of International Strategic Studies. 2019. Vol. 5. No. 1.
49. **Zagorski A.** The OSCE and Cooperative Security // Security and Human Rights. 2010. Vol. 21.
50. **Zellner W.** Russia and the OSCE: From High Hopes to Disillusionment // Cambridge Review of International Affairs. 2005. Vol. 18. No. 3. DOI: 10.1080/09557570500237995.

DOR JEAN SMITH

PhD Candidate in International Relations,
Global and Regional Studies, Patrice Lumumba Peoples'
Friendship University of Russia,
Moscow, Russia

ORCID: 0009-0001-5945-3018

ResearcherID: KDP-1672-2024

SCO-OSCE COUNTERTERRORISM COOPERATION: FROM TECHNICAL CONVERGENCE TO NORMATIVE FRAGMENTATION

This article examines how the fight against terrorism fosters collaboration among international organizations by focusing on linkages between the Shanghai Cooperation Organization (SCO) and the Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE). Drawing on extensive document analysis (treaties, statements, institutional reports, academic publications, and secondary sources) and case studies of the SCO's Regional Anti-Terrorist Structure (RATS) and the OSCE's Action against Terrorism Unit (ATU), it highlights three emerging trends: complementarity in intelligence and training tools, illustrated by shared initiatives in Central Asia; the creation of operational forums, such as annual meetings in Tashkent, to align approaches to countering terrorist financing; and the development of an adaptable cooperation framework, evolving from informal exchanges to more structured agreements. Nevertheless, obstacles persist, including capability disparities, latent Sino-Russian frictions, and the OSCE's lack of a military role, which constrains integration during exercises such as Peace Mission. The findings underscore pragmatic cooperation, particularly in Central Asia, where convergent interests enable joint initiatives without erasing underlying geopolitical rivalries or normative divergences. Despite notable progress, the absence of an integrated approach and the difficulty of moving beyond minimal consensus remain.

Key words: Inter-organizational cooperation, SCO, OSCE, Counter-terrorism, Central Asia.